

ВАСИЛИЙ
АВЕНАРИУС

СРЕДИ ВРАГОВ:
ДНЕВНИК ЮНОШИ,
ОЧЕВИДЦА ВОЙНЫ

RUGRAM

Москва

2025

УДК 355/359
ББК 68.4
А19

Авенариус В. П.

А19 Среди врагов: дневник юноши, очевидца войны / В. П. Авенариус. — М. : RUGRAM, 2025. — 162 с.

ISBN 978-5-517-13424-0

«По портретам я давно его уже знал; но самого воочию лицезреть — совсем иное... Когда он нам всем милостиво этак головой закивал, от его улыбки, ласковой и грустной, сердце в груди у меня так и запрыгало, да и заныло. „О, кабы теперь же некий подвиг отчизнолюбия совершить!“ — подумалось мне. От восторга и жалости бросился бы, право, под колеса его экипажа, если б сим чуточку хоть мог облегчить ему бремя забот о его народе, о дорогой нам всем России.»

«...Зато из другой палатки — операционного пункта — доносятся такие вопли, что кровь в жилах стынет... Всего жалче мне одного юнкера с отнятой ногой. Зовут его Виктор Топорков. Почти ровесник мне и на весь век свой уже калека! Сам он здоровяк, проживет, конечно, еще долго, и горюет он только о том, что не годен уж для военной службы.»

«Не на грех Господь его прислал, а на счастье... «Богатство, — говорит, — дело наживное. Долой все с воез!» Сняли, а на место того раненых солдатиков положили, чтобы в руки, значит, неприятелю не достались.»

УДК 355/359
ББК 68.4
ВІС FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-517-13424-0

© RUGRAM, оформление, 2025
© Т8 Издательские технологии,
оформление, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	5
ГЛАВА ПЕРВАЯ.....	6
ГЛАВА ВТОРАЯ.....	13
ГЛАВА ТРЕТЬЯ.....	20
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.....	24
ГЛАВА ПЯТАЯ.....	30
ГЛАВА ШЕСТАЯ.....	37
ГЛАВА СЕДЬМАЯ.....	43
ГЛАВА ВОСЬМАЯ.....	50
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.....	60
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.....	66
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.....	73
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ.....	81
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.....	87
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.....	93
ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.....	100
ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.....	107

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.....	112
ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.....	119
ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.....	125
ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.....	133
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.....	138
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.....	144
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.....	151
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.....	155

ПРЕДИСЛОВИЕ

Старинные книги и рукописи — страсть моя. Из заброшенной барской усадьбы знакомому мне букинисту было доставлено несколько ящиков старых книг. Отобрав все мало-мальски ценное, букинист свалил остальной хлам в угол лавки для продажи на вес. Роясь в этом хламе, я напал на объемистую тетрадь с пожелтевшими, подмоченными листами, исписанную притом карандашом. Почерк писавшего был не совсем еще твердый, но четкий, с затейливыми завитушками, орфография же в некотором разладе с грамматикой. Я хотел уж бросить мою находку в общую кучу, когда на глаза мне попало одно имя, сразу приковавшее мое внимание, — имя Наполеона. Перелистывая страницу за страницей, я встретил еще несколько имен французских и русских, получивших громкую известность в эпоху Отечественной войны, а вчитавшись, убедился, что имею в руках подлинный дневник 1812 года. Букинист, не придавая никакого значения этой рукописи, отдал мне ее в придачу к купленным мною книгам. Выпустив из нее все лишнее, не идущее к делу, я разделил ее для удобства читателей на главы с соответственными заголовками и печатаю теперь этот любопытный дневник очевидца, а отчасти и участника великой войны в первоначальном, безыскусственном виде.

В. А.
Сентябрь 1911

ГЛАВА ПЕРВАЯ

БУРСАК, ГУВЕРНЕР-ФРАНЦУЗ И СЕМЕЙСТВО ТОЛБУХИНЫХ. — ВЕСТЬ О ПЕРЕХОДЕ НАПОЛЕОНА ЧЕРЕЗ НЕМАН. — ГУВЕРНЕР СКРЫВАЕТСЯ

Ну вот, очинил карандаш и, благословись, начинаю.

Было то сегодня же, 11 июня. Хожу я этак по двору, в думы свои погруженный, а навстречу мосье Мулинé:

— Здравствуйте, молодой человек! Чего нос повесили?

— Тяжело, — говорю, — на душе, нос книзу и тянет.

— Шутите, мой друг, шутите, — говорит, — а я отлично знаю, что вас гнетет. Тоже ведь раз зеленым юнцом был.

— Ну что? Что?

— А то, что мадемуазель Барб вам опять голову намылила. Ведь так?

— Так или не так, — говорю, — вы-то, мосье Мулинé, мне все равно не поможете!

— Напротив, — говорит, — у меня есть для вас верное средство: пишите дневник. Как выльется на бумагу, что на душе накопело, сразу полегчает. На себе испытал.

— Да в доме у нас, — говорю, — и чернил-то нет.

— А еще в семинарии всяким наукам обучались! Так карандаш-то хоть найдется. Нет, без шуток, — говорит, — послушайтесь моего совета; этакий дневник — что горчичник: всякую боль оттянет.

Сказал и пошел своей дорогой.

А задала она мне и вправду здоровую взбучку:

— Не могу, — говорит, — глядеть на тебя, Андрюша, как ты целый день этак без дела болтаешься! Ведь ты годом всего меня моложе.

— Да, — говорю, — с Рождества восемнадцатый пошел.

— Что ж из тебя наконец выйдет!

— Ничего, — говорю, — не выйдет. — А сам вздыхаю. — Из бursы за малоуспешность удален.

— Да малоуспешность-то отчего? От лени?

— Леня, Варвара Аристарховна, раньше нас родилась! Старая еще пословица.

— И преглупая. Поискал бы ты себе каких-нибудь занятий.

— Да что же я умею? В шашки играть, голубей гонять, бумажный змей пускать...

— И неправда! Учил же ты брата Петю письму, арифметике. Но с тех пор, что взяли для него гувернера, ты от всего отбился, а Петю только глупостям учишь.

— Ах, Варвара Аристарховна! — говорю. — Братец ваш — дворянин; впереди ему везде дорога. А я что? Разночинец, простого диакона сын...

— Да умом ведь тоже не обижен? Давно ли у нас Мулине; говоришь ты с ним нечасто, а вон как бойко уж болтаешь с ним по-французски.

— И акцент бесподобный, бурсацкий.

— Не акцент, а акцент. Способность к языкам у тебя все-таки есть. Право же, Андрюша, взялся бы ты наконец за ум.

Тут ее отозвали...

Однако рука у меня с непривычки отекала. На сегодня довольно. А на душе и то ведь как будто немножко отлегло, просветлело.

Июня 12. Видел ее нынче только издалека меж деревьев. В сад свой вышла свежим воздухом подышать. Своя у нее тоже забота немалая: папеньке ее, Аристарху Петровичу, опять много хуже. С утра еще за доктором посылали.

— В Толбуховку переезжать, — говорит, — ни-ни, и думать еще нечего.

Что ж, этим помещикам что у себя в усадьбе, что в городском своем доме не житье — малина. И здесь у них при доме какой сад-то: большущий, тенистый, с дорожками, с беседками... А дом подлинно барский, с колоннами, балконами; покои высокие, просторные. Не то что через двор матушкина хибарка — убогая избушка на курьих ножках! Давно уж починки просит: крыша протекает, от окон, как из трубы, дует. Да где денег взять? А помрет матушка (не дай, Господи!), так и вдовья пенсия ее ухнет; останусь без гроша...

Правду говорит Варвара Аристарховна, что пора мне, пора тоже за ум взяться, свой хлеб добывать. Да чем? В приказные писцы идти, что ли, и весь век за гроши скрипеть пером?

Эх-ма! И стыдно-то, и смертельно-скорбно. А роптать не моги. Сам же виноват. Переноси благопокорно.

Июня 13. Вечор горе свое в слезах растворил; а ныне вновь влетело, и от кого? От своей же родительницы, а там и от протодиакона соборного, о. Захария.

Сидим мы с матушкой за трапезой обеденной, а она на меня знай поглядывает и «ох!» да «ох!».

— О чем вы, — говорю, — маменька, вздыхаете?

А она:

— Ох, болезный ты мой! Кабы премудрости семинарские как должно произвел, быть бы тебе раз добрым пастырем...

— Оставьте, — говорю. — Такое мне, знать, предопределение вышло.

Отодвинул тарелку и встал из-за стола.

А маменька:

— Куда ж ты, миленький, и чаю-то не пивши?

Ничего не сказал, иду к двери. А навстречу о. Захарий.

— Я, — говорит, — вас, матушка Серафима Исидоровна, пришел проведать: как во вдовстве своем живете-можете?

Маменька благодарствует за великую честь, что не забыл ее, вдовицу, просит откушать чаю стаканчик, а сама уже платок к глазам. Вопросает тут о. протодиакон, о чем, мол, печалуется.

— Да вот, — говорит, и пошла — сперва про собственную хворь свою, а там и обо мне, непутящем.

Озирает он меня искоса, словно медвежонка неприрученного, головой качает.

— Да что у паренька вашего, матушка, клепки одной разве в мозгу не хватает, скудоумен?

А маменька:

— Ай нет, он у меня мозговатый...

— Так мало, знать, в бурсе лозами уму-разуму наставляли. Тут и сам я уже не выдержал.

— Каждую субботу нам, — говорю, — секуции общие чинили.

— Да не по винам, — говорит. — И нас тоже во времена оны единожды в неделю наказывали, и все во благо. Во гробу одной ногой стою, а донесь тружусь, в поте лица моего снедаю хлеб свой.

Стал было я оправдываться, а он, не дослушал.

— Все сие, — говорит, — столь глупо, что уши вянут.

Маменька опять в слезы:

— Да нельзя ли его, о. протодиакон, хоть бы в причетники соборные поставить, а на дурной конец в пономари, что ли?

— Темна вода во облацех, — говорит, — еще не время, годами не вышел. Ну да уповайте на Бога; авось еще сподобит.

И пошел. Маменька залилась еще пуще...

Вседержитель и Сердцеведец! Просвети меня: что мне делать, шалоброду?

Июня 15. Давно уж поговаривали, что император французский Наполеон Бонапарт на нас войной собирается, что и войска-то наши к границе прусской стянуты, что сам государь наш Александр Павлович со своим штабом в Вильне пребывает. Проходили чрез Смоленск наш попки за полками, иные и на постой уже поставлены, а все как-то не верилось. Гром не грянет — мужик не перекрестится.

И вот грянул! От государя курьер к губернатору прискакал. 12-го числа, вишь, французы, войны даже не объявивши, реку Неман перешли. Что за вероломство! Из Вильны ко всем нашим командирам гонцы полетели с приказом — самим в бой до времени не вступать, только отбиваться. Князю же Багратиону, что командует второю армиею, да славному казацкому атаману графу Платову повелено по